

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ТАХАЕВА И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ»

(Жалоба № 23286/04)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

18 сентября 2008 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ

26 января 2009 года

В деле «Тахаева и другие против России»

Европейский суд по правам человека (Первая секция), заседающая Палатой в следующем составе:

Кристос Розакис, *Председатель Палаты Суда,*

Анатолий Ковлер,

Элизабет Штейнер,

Дин Шпильманн,

Сверре Эрик Йебенс,

Джорджио Малинверни,

Джордж Николау, *судьи,*

и Сорен Нильсен, *секретарь Секции Суда,*

заседая 28 августа 2008 г. за закрытыми дверями,

вынес в тот же день следующее постановление.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено на основании жалобы (N 23286/04) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со Статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») пятью гражданами Российской Федерации («заявители») 26 апреля 2004 г.

2. Заявители, которым по решению Суда компенсированы расходы по оказанию юридической помощи, были представлены в Суде адвокатами "Правовой инициативы по России" - неправительственной организации с главным офисом в Нидерландах и представительством в России. Правительство Российской Федерации («Правительство») представлял г-н П. Лаптев, Представитель Российской Федерации в Европейском суде по правам человека и в дальнейшем его новый представитель г-жа В. Милинчук.

3. 1 сентября 2005 г. Суд принял решение о применении Правила 41 Регламента Суда.

4. 9 марта 2006 г. Суд постановил уведомить Правительство о поданной жалобе. Согласно положениям Статьи 29 § 3 Конвенции, Суд решил рассмотреть жалобу по существу одновременно с решением вопроса о ее приемлемости.

5. Правительство возразило против объединения рассмотрения вопросов приемлемости и существа жалобы. Рассмотрев возражение Правительства, Суд отклонил его.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявителями являются:

1. г-жа Рабу Мутушовна Тахаева, род. в 1959 году,
2. г-н Хашим Нурдинович Тахаев, род. в 1952 году,
3. г-жа Заира Хашимовна Тахаева, род. в 1977 году,
4. г-н Ислам Султанович Туманов, род. в 1998 году, и
5. г-жа Разет Зайндиевна Теркибаева, род. в 1934 году.

Заявители проживают в селе Мескер-Юрт Шалинского района Чеченской Республики.

7. Первый и второй заявители женаты. Они приходятся родителями г-ну Аюбу Хашидовичу Тахаеву, 1982 года рождения, и третьему заявителю. Четвертый заявитель приходится сыном третьему заявителю и племянником Аюбу Тахаеву. Пятый заявитель - бабушка Аюба Тахаева.

A. Исчезновение Аюба Тахаева

1. Изложение обстоятельств дела заявителями

8. В ночь на 13 ноября 2002 года первый, второй, третий и четвертый заявители, Аюб Тахаев и его дед спали в своем доме по улице Школьная, 42, Мескер-Юрт. Дом располагался в одном дворе с тремя другими домами, где проживают родственники заявителей. Пятый заявитель спал в одном из тех домов.

(а) Похищение Аюба Тахаева

9. Около 2 часов 40 минут в ночь на 13 ноября 2002 года первая заявительница услышала шум, доносящийся со двора; выглянула из окна и увидела примерно десять – пятнадцать человек в камуфляжной форме. Группа приблизительно из пяти человек направлялась к дому заявителей и вошла не представившись. Они были вооружены

автоматами и гранатами. Все кроме одного были в масках. Человек без маски имел славянские черты внешности. Первая заявительница посчитала, что мужчины принадлежали к российским войскам.

10. Вооруженные люди приказали второму заявителю подняться и вывели его в коридор, затем приказали ему лечь лицом к земле, связали его руки за спиной и ударили его несколько раз. В то же время они закрыли дедушку Аюба в одной из комнат.

11. Затем мужчины вошли в комнату, где спали Аюб Тахаев и третий заявитель, и разбудили их светом фонарей. Они кричали на Аюба, приказывая ему встать, и ударили его, затем они вывели Аюба в кухню и положили на пол.

12. Вторгшиеся держали первого и третьего заявителей закрытыми в своих комнатах. Когда первая заявительница попыталась прорваться через дверь, один из вооруженных мужчин вошел в ее комнату и толкнул ее в грудь так, что она упала. Затем мужчины закрыли первого, третьего и четвертого заявителей в одной комнате. Женщины плакали и умоляли людей не забирать Аюба Тахаева. Четвертый заявитель был испуган и плакал. Военнослужащие приказали третьему заявителю успокоить ребенка и потребовали документы, удостоверяющие личность второго заявителя и Аюба Тахаева. Человек, который был без маски со славянскими чертами лица, накричал на женщин и отдал приказы другим людям на русском языке. Первая заявительница отдала им два российских паспорта; они забрали тот, который принадлежал Аюбу.

13. Когда военнослужащие уходили, они приказали всем оставаться внутри дома, угрожая взорвать дом, и увели с собой Аюба Тахаева. Второй заявитель спросил, куда увозят его сына, но не получил ответа. Вместо этого ему сказали поблагодарить вооруженных людей за то, что они не забрали и его самого.

14. Когда первый и третий заявитель открыли запертые двери и вышли из комнаты, они побежали на улицу и увидели, что военные уехали. Затем они вернулись обратно в дом и развязали второго заявителя.

15. Рано утром 13 ноября 2002 г. второй заявитель обнаружил следы от колес бронированного войскового транспортера (БТР) примерно в 100 метрах от своего дома. Некоторые соседи подтвердили, что видели БТР в ночь на 13 ноября 2002 года.

(b) Изложение обстоятельств дела пятой заявительницей

16. В ночь на 13 ноября 2002 г. пятая заявительница услышала шум и вышла во двор. Двое мужчин направили свои пулеметы на нее и приказали ей стоять на месте и молчать. Она поняла, что шум был вызван попытками этих людей взломать дверь. Вооруженные люди не позволили пятой заявительнице вернуться обратно в дом, не смотря на то, что было холодно, и на ней была только ночная сорочка. Пятая заявительница слышала, что вооруженные люди говорили по-русски

без акцента. Один из них стоял за спиной у пятого заявителя с нацеленным на нее пулеметом. Десять или пятнадцать минут спустя они приказали пятому заявителю войти в дом. Она подчинилась и затем видела через окно, как эти люди выбежали с внутреннего двора на улицу.

(с) Последующие события

17. Около 4 часов утра 14 ноября 2002 года первый и второй заявители увидели четыре БТРа, проезжающие по их улице. Затем они слышали крики, которые раздавались из дома соседей. Утром 14 ноября 2002 года заявители узнали, что двое мужчин, г-н В.М. и г-н Х.М. были задержаны в доме соседей вооруженными людьми на БТРах. Г-н В.М. и г-н Х.М. пропали без вести.

18. Утром 15 ноября 2002 года в 6 утра 15 минут пятая заявительница видела четыре БТРа, въезжающие в Мескер-Юрт. Позднее заявители узнали, что в указанную ночь в другом селе был похищен г-н А.И., который затем пропал.

2. Изложение обстоятельств дела Правительством.

19. Около 2 часов 45 минут в ночь на 13 ноября 2002 г. неизвестные вооруженные люди с автоматами и в камуфлированной форме вторглись в дом 42 по улице Школьная, в селе Мескер-Юрт Шалинского района Чеченской Республики, похитили Аюба Тахаева и увели в неизвестном направлении.

В. Поиск Аюба Тахаева и расследование

1. Изложение обстоятельств дела заявителями

20. С 13 ноября 2002 г. заявители связывались, как лично так и в письменной форме, с различными официальными органами. Они подробно описали обстоятельства исчезновения их родственника и попросили о помощи в установлении его местонахождения и судьбы. В частности, они подали заявления в прокуратуры разных уровней, в военную комендатуру Шалинского района, в отдел внутренних дел Шалинского района, в Государственную думу РФ, Специальному Представителю по защите прав и свобод человека при Президенте России в Чечне, Комиссию по правам человека при Президенте России и Администрацию Чеченской Республики. Большинство жалоб были поданы первой заявительницей, по всей видимости, от имени семьи. Заявители сохранили копии некоторых из этих обращений и представили их Суду. Официальные органы передавали большее число этих обращений в прокуратуры на проведение расследования.

21. Утром 13 ноября 2002 г. заявители написали в прокуратуру Шалинского района (далее - "районная прокуратура"). Они подали

жалобу об исчезновении их родственника, однако, не поставили на рассмотрение вопрос о насильственном проникновении в их дом.

22. 21 ноября 2001 г. районная прокуратура начала расследование исчезновения Аюба Тахаева согласно Статьи 126 § 2 российского Уголовного кодекса (похищение при отягчающих обстоятельствах). Делу был дан № 59259.

23. 22 ноября 2002 г. первая заявительница обратилась в районную прокуратуру с просьбой помочь в установлении местонахождения ее сына.

24. 23 ноября 2002 г. первая заявительница была признана потерпевшей по делу № 59259.

25. 29 декабря 2002 г. прокуратура Чеченской Республики передала жалобу первой заявительницы в районную прокуратуру.

26. 21 января 2003 г. расследование по делу № 59259 было приостановлено по причине невозможности установить личность предполагаемых преступников.

27. 25 марта 2003 г. военная прокуратура войсковой части №20116 уведомила первую заявительницу о результатах проверки, сделанной по ее просьбе. Проверка установила что, военнослужащие не были причастны к исчезновению Аюба.

28. 8 апреля 2003 г. первая заявительница написала в районную прокуратуру и прокуратуру Чеченской Республики, спрашивая о ходе расследования исчезновения ее сына и с просьбой предоставить ей статус жертвы. 11 апреля 2003 года районная прокуратура подтвердила получение ее письма, однако, не дала ответа по существу.

29. 30 июля 2003 г. первая заявительница вновь написала в районную прокуратуру с повторным запросом от 8 апреля 2003 года.

30. 15 августа 2003 года прокуратура Чеченской Республики дала распоряжение районной прокуратуре отменить постановление от 21 января 2003 года о приостановлении следствия и сообщила первой заявительнице, что расследование было начато 21 ноября 2002 года и приостановлено 21 января 2003 года.

31. 20 августа 2003 г. Отделение Генеральной прокуратуры в Южном федеральном округе уведомила первую заявительницу о том, что ее жалоба был передана в прокуратуру Чеченской Республики.

32. 22 августа 2003 г. районная прокуратура отменила постановление от 21 января 2003 года и возобновила расследование по делу № 59259.

33. В письме от 25 августа 2003 г. районная прокуратура сообщила первой заявительнице, что расследование по делу № 59259 было возобновлено и что розыски Аюба Тахаева продолжается. Далее она заявляет, что следственные органы проверили места содержания задержанных лиц, направлены запросы в различные силовые структуры и правоохранительные органы с просьбой установить личности, совершившие похищение и проводившие специальную операцию в селе Мескер-Юрт 13 ноября 2002 года; однако, ответы не

были получены и запросы были посланы вновь. Первую заявительницу попросили направить свидетелей похищения в районную прокуратуру для дачи показаний.

34. 18 сентября 2003 г. прокуратура Чеченской Республики уведомила первую заявительницу о том, что районная прокуратура возобновила расследование 22 августа 2003 года.

35. 19 сентября 2003 г. военный прокурор Объединенной группировки войск (сил) сообщил первой заявительнице, что нет сведений о причастности российских федеральных сил к похищению ее сына.

36. 21 февраля 2005 г. первая заявительница написала письмо в районную прокуратуру с просьбой сообщить ей о ходе расследования похищения ее сына.

37. 14 апреля 2006 г. районная прокуратура уведомила первую заявительницу о том, что ее жалоба в прокуратуру Чеченской Республики рассмотрена и приобщена к материалам уголовного дела, а также что следствие было приостановлено 3 июля 2005 г.

38. 31 мая 2007 г. прокуратура Чеченской Республики сообщила первой заявительнице, что Аюб Тахаев был похищен «неустановленными лицами, вооруженными автоматическим оружием, одетыми в камуфлированную форму, прибывшими на БТРах». В письме также указывалось, что расследование уголовного дела №59259, приостановленного 3 июля 2005 года, было возобновлено 8 мая 2007 года и в настоящее время продолжается.

39. После возобновления расследования в мае 2007 года, следователи приходили в дом заявителей и допросили первого, второго, третьего и пятого заявителей; это был первый случай, когда следователи посетили село Мескер-Юрт с лета 2003 г.

2. Информация, представленная Правительством

40. Следствие по делу №59259 не установило причастности спецподразделений, правоохранительных органов или секретных служб к похищению Аюба Тахаева.

41. Правоохранительными органами Чеченской Республики Аюб Тахаев не привлекался к уголовной ответственности.

42. По сведениям районного отдела внутренних дел и военного коменданта района Аюб Тахаев не задерживался, ни одно из подразделений военной комендатуры в период времени, когда было совершено его похищение, из расположения не выезжало.

43. В ходе расследования были направлены запросы в Управление ФСБ в Чеченской Республике и военную прокуратуру ОГВ(с). Поступившая из данных структур информация свидетельствует об отсутствии данных о задержании Аюба Тахаева и привлечении его к уголовной ответственности.

44. Запросы информации были также направлены в изоляторы содержания Чеченской Республики, Ставропольского края и других регионов России.

45. Полученные в ходе расследования дела положительные характеристики Аюба Тахаева ставят под сомнение возможность его привлечения к уголовной ответственности.

46. Согласно полученной информации, Аюб Тахаев не доставлялся в Шалинскую центральную больницу.

47. Проведенным расследованием лица, совершившие преступление, не установлены до сих пор. Все необходимые следственные мероприятия, направленные на раскрытие похищения Аюба Тахаева, были проведены.

48. Несмотря на конкретные запросы Суда, Правительство не предоставило никаких материалов уголовного дела №59259. Ссылаясь на мнение Генеральной прокуратуры, Правительство заявило, что расследование дела продолжается и что раскрытие его материалов было бы нарушением Статьи 161 Уголовно-процессуального Кодекса РФ, поскольку они содержат сведения военного характера и личные данные свидетелей и других участников уголовного процесса.

II. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

49. Согласно статье 125 Уголовно-процессуального Кодекса 2001, постановления дознавателя, следователя, прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные их решения и действия (бездействие), которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в районный суд по месту производства предварительного расследования., уполномоченный проверять законность и обоснованность данных решений.

50. Статья 161 нового УПК РФ запрещает разглашение данных предварительного следствия. Согласно ч. 3 этой Статьи, данные предварительного расследования могут быть преданы гласности лишь с разрешения прокурора, следователя, дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия не допускается.

51. Статья 1069 Гражданского Кодекса устанавливает, что вред, причиненный гражданину в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного

самоуправления либо должностных лиц этих органов подлежит возмещению.

ПРИМЕНЯЕМЫЕ НОРМЫ ПРАВА

I. ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО ПРАВА НА ПОДАЧУ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЖАЛОБЫ

52. Правительство утверждало, что жалоба была подана не в интересах восстановления нарушенных прав заявителей. Истинным предметом и намерением жалобы были достижение цели политического характера, так как заявители хотели «выдвинуть обвинения в адрес Российской Федерации как государства, якобы проводящего политику нарушения прав человека на территории Чеченской Республики». Оно требовало признать жалобу неприемлемой в соответствии со Статьей 35 § 3 Конвенции.

53. Суд полагает, что Правительству необходимо было разъяснить, в чем наблюдается нарушение права на подачу жалобы заявителями. В связи с этим Суд усматривает, что обращения, представленные заявителями к рассмотрению касались непосредственно самих жалоб. В документах дела нет ничего, что свидетельствовало бы о нарушении права на подачу индивидуальной жалобы. Соответственно, возражения Правительства должны быть отклонены.

II. ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО ИСЧЕРПАНИЯ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

A. Доводы сторон

54. Правительство утверждало, что жалобу следует признать неприемлемой из-за неисчерпания внутригосударственных средств защиты. Правительство сообщило, что следствие по делу об исчезновении Аюба Тахаева еще не окончено. Кроме того, Правительство отметило, что заявители могли обратиться в суд с жалобами на незаконное задержание их родственника или обжаловать в Суде действия либо бездействия в ходе следователей или других правоохранительных органов, но заявители не воспользовались этим средством защиты. Также Правительство утверждало, что заявители могли подать иск в порядке гражданского судопроизводства по Статье 1069 Гражданского Кодекса, но они не сделали этого.

55. Заявители утверждали, что расследование уголовного дела оказалось неэффективным.

В. Оценка, данная Судом

56. Суд подчеркивает, что правило об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты в соответствии со Статьей 35 § 1 Конвенции обязывает заявителей сначала использовать средства правовой защиты, которые доступны и достаточны во внутригосударственной правовой системе, чтобы обеспечить им получение возмещения за предполагаемые нарушения. Существование средств правовой защиты должно быть достаточно определено как в теории, так и на практике, в противном случае им будет не хватать требуемых доступности и эффективности. Статья 35 § 1 также требует, чтобы жалобы, которые предполагается впоследствии представить в Суд, были бы заявлены в соответствующий внутригосударственный орган, по крайней мере по существу и в соответствии с формальными требованиями и сроками, предусмотренными внутригосударственным правом, а также, чтобы были использованы любые процессуальные средства, могущие предотвратить нарушение Конвенции. Вместе с тем, нет обязательства обращаться к тем средствам правовой защиты, которые являются неадекватными либо неэффективными (см. *Aksoy v. Turkey*, постановление от 18 декабря 1996, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-VI, pp. 2275-76, §§ 51-52; *Akdivar and Others v. Turkey*, постановление от 6 сентября 1996, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-IV, p. 1210, §§ 65-67; и *Cennet Ayhan and Mehmet Salih Ayhan v. Turkey*, no. 41964/98, § 64, 27 июня 2006).

57. Правительство, утверждающее, что внутригосударственные средства правовой защиты не были исчерпаны, обязано указать Суду с определённой точностью те средства правовой защиты, к которым не обратились заявители, и объяснить Суду, что они являлись в соответствующий период времени эффективными и доступными, как в теории, так и на практике, то есть, что имелась возможность обратиться к ним, они могли предоставить возмещение в отношении жалоб заявителя и что имелись разумные перспективы успеха (см. *Akdivar and Others*, цит. выше, p. 1211, § 68, или *Cennet Ayhan and Mehmet Salih Ayhan*, цит. выше, § 65).

58. Суд указывает что в той мере, в какой предварительное возражение Правительства затрагивает необжалование заявителями незаконного задержания их родственника во внутренних инстанциях, что после того, как Аюб Тахаев был увезён вооружёнными людьми, заявители активно пытались установить его местонахождение и обращалась в различные официальные органы, в то время, как власти отрицали даже факт задержания исчезнувшего лица. При таких обстоятельствах, в особенности в отсутствие какого-либо подтверждения самого факта задержания, даже если предположить, что средство правовой защиты, указанное Правительством, было доступно заявителям, возникают сомнения, были ли какие-либо перспективы на успех у жалобы в суд на не признанное властями

задержание Аюба Тахаева. Кроме того, Правительство не продемонстрировало, что указанное им средство правовой защиты могло бы предоставить возмещение в ситуации заявительницы, а именно, что оно привело бы к освобождению г-на Аюба Тахаева и установлению и наказанию несущих ответственность лиц (см. *Musayeva and Others v. Russia*, no. 74239/01, § 69, 26 июля 2007). Поэтому Суд считает, что эта часть предварительных возражений Правительства относительно неисчерпания внутригосударственных средств защиты в отношении незаконного лишения свободы Аюба Тахаева должна быть отклонена.

59. Что касается нарушения права на жизнь Аюба Тахаева, Суд отмечает, что в российской правовой системе у жертвы неправовых и противозаконных действий государства и его представителей в принципе имеется два пути восстановления нарушенных прав, а именно – гражданское или уголовное судопроизводство.

60. Что касается гражданского иска о возмещении ущерба, причиненного незаконными действиями или противоправным поведением представителей государства, Суд уже постановил в ряде аналогичных случаев, что такой иск не является решением вопроса об эффективных средствах правовой защиты в контексте жалобы на нарушение Статьи 2 Конвенции. Само по себе рассмотрение гражданского иска в суде не предполагает проведения независимого расследования и не способно в отсутствие результатов следствия по уголовному делу привести к установлению виновных в совершении убийств или похищений людей, а тем более привлечь их к ответственности (см. *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, №57942/00 и 57945/00, §§ 119-121, 24 февраля 2005 г., и *Estamirov and Others*, цит. выше, § 77). В свете вышесказанного Суд подтверждает, что заявители не были обязаны подавать гражданский иск. Таким образом, предварительное возражение Правительства в этой части отклоняется.

61. Что касается уголовно-правовых средств защиты, предусмотренных российской законодательной системой, Суд отмечает, что заявители обратились с жалобой в правоохранительные органы сразу же после задержания их родственника и что следствие по делу велось с 21 ноября 2002 года. Мнения заявителей и Правительства в отношении эффективности следствия по факту похищения расходятся.

62. Суд считает, что эта часть предварительных возражений Правительства поднимает вопросы в связи с пониманием эффективности расследования уголовного дела, что тесно связано с существом жалоб заявителе по Статье 2. Поэтому Суд считает, что данные вопросы должны быть рассмотрены ниже в свете материальных положений Конвенции.

III. ОЦЕНКА СУДОМ ИМЕЮЩИХСЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТОВ

A. Доводы сторон

63. Согласно утверждению заявителей, не подлежит сомнению на разумных основаниях то, что лица, которые увели с собой Аюба Тахаева, были агентами Государства. В обоснование своей жалобы они ссылаются на следующие факты. Вооруженные люди, которые похитили Аюба Тахаева, имели возможность свободно передвигаться на БТРах, то есть транспортных средствах, используемых только военными. Они говорили по-русски без акцента, это означает, что они не были чеченцами по происхождению. Заявители также отметили, что основанием для отказа Правительства предоставить материалы уголовного дела № 59259 послужил тот факт, что в них содержались «сведения военного характера, раскрывающие дислокацию и характер действий воинских и специальных формирований».

64. Правительство утверждало, что неустановленные вооруженные лица похитили Аюба Тахаева. Далее Правительство указало, что следствие по делу продолжается, что причастность к данному преступлению представителей федеральных силовых структур не установлена, а потому оснований для утверждения о нарушении Государством прав заявителей не имеется. Далее Правительство ссылалось на отсутствие убедительных доказательств того, что родственника заявителей нет в живых.

B. Оценка фактов Судом

(a) Общие принципы

65. По делам, в которых существуют противоречащие друг другу версии событий, Суд при установлении фактов неизбежно сталкивается с теми же сложностями, что и любой суд первой инстанции. Когда, как в данном деле, Правительство-ответчик имеет эксклюзивный доступ к информации, способной подтвердить либо опровергнуть утверждения заявителя, любой недостаток содействия со стороны Правительства без удовлетворительного объяснения может стать основанием для выводов об обоснованности таких утверждений заявителя (см. *Taniş and Others v. Turkey*, по. 65899/01, § 160, ECHR 2005-...).

66. Суд отмечает, что в его практике выработан ряд принципов, применимых в ситуациях, когда он вынужден решать задачу установления фактов, относительно которых между сторонами имеется спор. Что касается спорных фактов, Суд повторяет позицию, сформировавшуюся в его судебной практике, согласно которой при оценке доказательств применению подлежит стандарт доказывания

«вне разумных сомнений» (см. «*Avşar v. Turkey*, no. 25657/94, § 282, ECHR 2001-VII (извлечения)). Достижение такого стандарта доказывания может являться следствием сосуществования достаточно сильных, ясных и согласующихся друг с другом выводов из имеющихся фактов либо схожих неопровергнутых презумпций относительно фактов. В этом контексте должно приниматься во внимание поведение сторон при получении доказательств (см. *Taniş and Others*, цит. выше, §160).

67. Суд со вниманием относится к соблюдению принципа субсидиарности и признаёт, что он должен быть осторожен в принятии на себя роли суда первой инстанции, действуя таким образом только в тех случаях, когда обстоятельства конкретного дела делают это неизбежным (см., например, решение *McKerr v. the United Kingdom* (dec.), no. 28883/95, от 4 апреля 2000 года). Тем не менее, когда выдвигаются обвинения по статьям 2 и 3 Конвенции, Суд должен особенно тщательно рассматривать факты (см., с учётом контекста, *Ribitsch v. Austria*, 4 декабря 1995, Series A no. 336, § 32; и *Avşar v. Turkey*, цит. выше, § 283), даже если уже были осуществлены определённые внутригосударственные меры и следственные действия.

68. Когда власти обладают полной либо значительной частью информации о соответствующих событиях, как в делах, по которым задержанные лица находятся под их контролем, возникают сильные фактические презумпции в отношении телесных повреждений и смерти, произошедших во время содержания под стражей. В самом деле, бремя доказывания может считаться возложенным на власти, которые должны предоставить удовлетворительное и убедительное объяснение (см. *Tomasi v. France*, 27 августа 1992, Series A no. 241-A, pp. 40-41, §§ 108-11; *Ribitsch*, цит. выше, § 34; и *Selmouni v. France* [GC], no. 25803/94, § 87, ECHR 1999-V).

69. Эти принципы применимы также к делам, по которым хотя не доказано, что лицо было задержано властями, но возможно установить, что он или она вошли в место под их контролем, после чего пропали без вести. В таких обстоятельствах Правительство должно предоставить правдоподобное объяснение тому, что произошло в помещениях под его контролем, и показать, что соответствующее лицо не было задержано властями, а покинуло помещения без последующего лишения свободы (см. *Taniş and Others*, цит. выше, § 160).

70. В заключение, если внутригосударственными судами рассматривалось уголовное дело по тем же самым обвинениям, следует иметь в виду, что уголовно-правовая ответственность отличается от международно-правовой ответственности по Конвенции. К компетенции Суда относится рассмотрение вопросов о международно-правовой ответственности. Ответственность по Конвенции основывается на её собственных положениях, которые должны толковаться и применяться на основе целей Конвенции и в

свете соответствующих принципов международного права. Ответственность государства по Конвенции за действия его органов, представителей и служащих не следует путать с внутригосударственными правовыми вопросами индивидуальной уголовной ответственности, которые подлежат рассмотрению национальными уголовными судами. В этом смысле Суд не стремится сделать каких-либо выводов о виновности либо невиновности (см. *Avsar*, цит. выше, § 284).

(b) Установление фактов

71. Суд отмечает, что, несмотря на его неоднократные запросы копии материалов уголовного дела по похищению г-на Аюба Тахаева, Правительство не предоставило вообще никаких документов по делу. Правительство сослалось на статью 161 Уголовно-процессуального кодекса. Суд отмечает, что в предыдущих делах он уже устанавливал, что это объяснение является недостаточным для объяснения удержания ключевой информации, запрошенной Судом (см. *Itakayeva v. Russia*, №7615/02, п. 123, ECHR 2006-... (извлечения)).

72. С учётом этого и вышеизложенных принципов, Суд полагает, что он может сделать выводы из поведения Правительства в отношении убедительности утверждений заявительницы. Суд считает нужным продолжить изучение ключевых элементов этого дела, в котором должно быть принято во внимание, когда решение о том, может ли родственник заявителей считаться мертвым и была ли его смерть приписана властям.

73. Заявители утверждают, что лица, которые задержали Аюба Тахаева 13 ноября 202 года, были представителями Государства.

74. Суд замечает, что их утверждения подкреплены показаниями очевидцев, собранными заявителями. Он находит тот факт, что большая группа вооруженных людей в камуфляжной форме, снаряженная военной техникой, свободно передвигалась по селу ночью и проводила проверку удостоверяющих личность документов и задержала несколько человек в их собственных домах, доказывает мнение заявителей о том, что это были сотрудники государства.

75. Как сообщили заявители, три других жителя села Мескер-Юрт были похищены при обстоятельствах, подобных задержанию их родственника (см. параграфы 17 и 18 выше). Суд считает, что такая серия случаев характерна для спецопераций, проводимых силовыми структурами или военными. Тем не менее, остается выясненным, пытались ли следователи установить хоть какую-то связь между похищениями, так как Правительство отказалось предоставить копии материалов уголовного дела.

76. Суд отмечает, что в случае, когда заявитель делает утверждение *prima facie*, а у Суда нет возможности сделать вывод на основе фактов из-за отсутствия соответствующих документов, на Правительство возлагается обязанность исчерпывающе аргументировать, почему

данный документ не может быть предоставлен Суду для проверки утверждений заявителя, либо дать удовлетворительное и убедительное объяснение того, как именно произошли события, о которых идет речь. Таким образом, бремя доказывания переносится на Правительство, и если оно не представляет достаточных аргументов, то встает вопрос о возможных нарушениях Статьи 2 и/или Статьи 3 (см. *Toğcu v. Turkey*, №27601/95, § 95, 31 мая 2005 г., и *Akkum and Others v. Turkey*, №21894/93, § 211, ECHR 2005 II).

77. Учитывая вышеназванные элементы, Суд считает установленным, что заявители представили достаточно серьезные доказательства (*prima facie*) того, что Аюб Тахаев был задержан представителями государства. Утверждение Правительства о том, что следствием не установлена причастность федеральных силовых структур к похищению, является недостаточным и не освобождает Правительство от упомянутого выше бремени доказывания. Исходя из отказа Правительства предоставить документы, которые были его исключительным владением, или предоставить какие-либо другие правдоподобные объяснения по данному вопросу, Суд заключает, что Аюб Тахаев был похищен 13 ноября 2002 года государственными военнослужащими, проводившими неустановленную спецоперацию.

78. Со времени похищения Аюба Тахаева заявители не получали достоверных сведений о нем. Его фамилия отсутствовала в журналах регистрации лиц, содержащихся под стражей. И, наконец, Правительство не представило каких-либо объяснений того, что произошло с ними после задержания.

79. Исходя из по целого ряда рассмотренных Судом дел, касающихся "исчезновений" в Чечне (см. помимо прочего, *Imakayeva v. Russia*, №7615/02, ECHR 2006 ... (выдержки); *Luluyev and Others v. Russia*, №69480/01, ECHR 2006 ... (выдержки); *Baysayeva v. Russia*, по. 74237/01, 5 апреля 2007 и *Alikhadzhiyeva v. Russia*, по. 68007/01, 5 июля 2007), Суд заключает, что в условиях вооруженного конфликта в Чеченской Республике, если кого-то задерживают неустановленные военнослужащие, а затем факт задержания не признается, то это можно рассматривать как угрожающую жизни ситуацию. Отсутствие Аюба Тахаева и каких-либо сведений о нем в течение более чем пяти лет подтверждают данное предположение.

80. По вышеозначенным причинам Суд считает не вызывающим сомнений на разумных основаниях тот факт, что Аюба Тахаева следует считать умершим после не признаваемого властями задержания сотрудниками государства.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

81. Заявители жаловались на нарушение Статьи 2 Конвенции в связи с тем, что их родственник исчез после задержания российскими

военнослужащими, а государственные органы не провели эффективное расследование данного дела. Статья 2 гласит:

“1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

(a) для защиты любого лица от противоправного насилия;

(b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;

(c) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа.

A. Информация, предоставленная сторонами

82. Правительство утверждало, что органами следствия не получено данных о том, что Аюба Тахаева нет в живых или что к его похищению и предположительному убийству причастны представители федеральных силовых структур. Правительство утверждало, что заявители сообщили о похищении Аюба Тахаева в районную прокуратуру только 20 ноября 2002 года и что уголовное дело по этому факту было возбуждено на следующий день. Оно также заявляло, что расследование исчезновения родственника заявителей соответствовало требованиям Конвенции об эффективности расследования, поскольку принимались все предусмотренные российским законодательством меры к установлению лиц, совершивших это преступление.

83. Заявители же утверждали, что Аюб Тахаев был задержан представителями федеральных сил и должен считаться умершим по причине отсутствия достоверных сведений о нем в течение нескольких лет. Они также утверждали, что расследование не соответствовало требованиям эффективности и адекватности, установленным прецедентной практикой Суда по Статье 2. Заявители призвали Суд сделать соответствующие выводы из необоснованного отказа Правительства предоставить заявителям или Суду материалы уголовного дела.

B. Оценка, данная Судом

1. Приемлемость

84. Суд считает в свете представленных сторонами аргументов, что жалоба затрагивает серьезные вопросы факта и права, подпадающие

под действие Конвенции, для решения которых необходимо рассмотрение жалобы по существу. Кроме того, Суд уже отмечал, что возражение Правительства в части предполагаемого неисчерпания внутригосударственных средств защиты следует рассматривать совместно с рассмотрением существа жалобы (см. параграф 62 выше). Таким образом, жалоба на нарушение Статьи 2 Конвенции должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

(а) Предполагаемое нарушение права на жизнь Аюба Тахаева

85. Суд напоминает о том, что Статья 2, гарантирующая право на жизнь и устанавливающая обстоятельства, при которых может быть оправдано лишение жизни, является одним из наиболее фундаментальных положений Конвенции, которое не может быть объектом частичной отмены. В свете важности той защиты, которую гарантирует Статья 2, Суд должен подвергать все случаи лишения жизни особо тщательному рассмотрению, учитывая не только действия агентов Государства, но и сопутствующие обстоятельства (см., помимо прочего, *McCann and Others v. the United Kingdom*, постановление от 27 сентября 1995 г., серия А № 324, стр. 45-46, §§ 146-147).

86. Судом уже установлено, что Аюба Тахаева следует считать умершим после его безвестного задержания сотрудниками федеральных сил и что ответственность за его смерть несет Государство. В отсутствие какого-либо оправдания применения средств поражения агентами Государства Суд делает вывод, что в отношении Аюба Тахаева имеет место нарушение статьи 2 Конвенции.

(b) Предполагаемая неадекватность расследования

87. Суд неоднократно указывал, что обязательство защищать право на жизнь, согласно Статье 2 Конвенции, предусмотренное в связи с общим обязательством государства согласно Статье 1 Конвенции «обеспечить всем в пределах своей юрисдикции права и свободы, определенные в Конвенции», требует, в порядке презумпции, проведения эффективного официального расследования в тех случаях, когда люди были убиты в результате применения силы (см *mutatis mutandis*, *McCann and Others*, цит. выше, р. 49, § 161, и *Kaya v. Turkey*, постановление от 19 февраля 1998, *Reports* 1998-I, р. 324, § 86). Существенной целью такого расследования является обеспечение эффективной имплементации национального законодательства, защищающего право на жизнь, и, по делам, связанным с участием представителей государства или государственных органов, привлечение их к ответственности за смерти, за которые они должны нести ответственность. Такое расследование должно быть независимым, открытым для доступа семье пострадавшего,

выполняться в разумные сроки и быстротой, эффективным в том смысле, что оно способно принять решение, было ли применение силы в данном случае оправдано или нет при таких обстоятельствах или же оно было незаконным, и предоставлять достаточную часть для открытого рассмотрения следствия или его результатов (см. *Hugh Jordan v. the United Kingdom*, № 24746/94, §§ 105-109, от 4 мая 2001; и *Douglas-Williams v. the United Kingdom* (решение), № 56413/00, от 8 января 2002).

88. В настоящем деле проводилось расследование по факту похищения Аюба Тахаева. Суд должен оценить, соответствовало ли это расследование требованиям Статьи 2 Конвенции.

89. Суд сразу же отмечает, что Правительство не предоставило Суду все материалы уголовного дела. Поэтому Суду придется оценивать эффективность расследования на основании тех немногих документов, которые были представлены заявителями, и информации о ходе следствия, которую сообщило Правительство.

90. Суд отмечает, что власти были немедленно оповещены заявителями о преступлении. Уголовное дело №59259 было возбуждено лишь через восемь дней после похищения Аюба Тахаева. Суд не убеждает аргумент Правительства, что задержка в возбуждении уголовного процесса произошла из-за того, что заявители не обратились в районную прокуратуру с жалобой немедленно после произошедшего инцидента. Правительство не оспаривает, что заявители сообщили о похищении Аюба Тахаева в милицию утром 13 ноября 2002 года. В таких обстоятельствах Суд находит, что заявители не были обязаны подавать их жалобы непосредственно и только в районную прокуратуру. Один из правоохранительных органов был должным образом и незамедлительно уведомлен о преступлении, в его обязанность входило организовать сотрудничество между различными агентами Государства так, чтобы гарантировать эффективное уголовное расследование. Таким образом, по мнению Суда, следственные органы не начали сразу расследование похищения, совершенного при угрожающих жизни обстоятельствах, когда решающие действия должны были быть проведены в первые дни после случившегося.

91. Как можно видеть их письма районной прокуратуры от 25 августа 2003 года, следователи пытались получить информацию о специальной операции, проводимой в Мескер-Юрте в ноябре 2002 года, и установить, какие войсковые подразделения или силовые структуры участвовали в ее проведении (см. параграф 33 выше). Как оказалось, эти усилия оказались безрезультатными.

92. Суд отмечает, что заявители и их соседи были допрошены впервые только в 2007 году, то есть спустя 5 лет после случившегося. К тому же, следственные органы не допросили никого из сотрудников правоохранительных силовых структур или военнослужащих. Такое бездействие само по себе компрометирует эффективность

расследования и может оказать негативное влияние на попытки разобраться в деле. Это означает, что власти не предприняли действенных шагов в установлении местонахождения и судьбы Аюба Тахаева.

93. Что касается хода следствия, то Суд отмечает, что в течение пяти лет расследование неоднократно приостанавливалось и возобновлялось. Период бездействия по делу был очень длительным, и, в частности, не проводилось никаких мероприятий между 3 июля 2005 года и 8 мая 2007 года.

94. Суд также отмечает, что хотя первую заявительницу признали потерпевшей по уголовному делу №59259, ее лишь информировали о приостановлении и возобновлении производства по делу, но не сообщали ей о других значимых событиях. Это значит, что следственные органы не обеспечили требуемого уровня общественного контроля за ходом расследования и защиты законных интересов ближайших родственников.

95. Правительство в контексте исчерпания внутригосударственных средств защиты утверждало, что у заявителей имелась возможность потребовать судебной проверки постановлений, изданных органами предварительного следствия. Суд отмечает, что на самом деле заявители, не имея доступа к материалам уголовного дела и будучи не информированными о ходе расследования, не могли эффективно оспаривать действия или бездействия следственных органов перевод судом. Тем не менее, эффективность расследования была подорвана уже на ранних стадиях из-за непроведения следственными органами необходимых и не терпящих отлагательства следственных действий; в связи с этим, вызывает сомнение, что указанное средство защиты могло бы привести к какому-либо успеху. Поэтому Суд считает, что упомянутое Правительством средство правовой защиты было при таких обстоятельствах неэффективным, и отклоняет предварительное возражение Правительства о том, что заявители не исчерпали внутригосударственные средства правовой защиты в контексте уголовного расследования.

96. В свете вышесказанного Суд считает, что властями не было проведено эффективное уголовное расследование обстоятельств исчезновения Аюба Тахаева, что является нарушением процессуальной части Статьи 2.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

97. Заявители ссылались на Статью 3 Конвенции, указывая, что в результате исчезновения Аюба Тахаева и отказа государства от проведения добросовестного расследования этого события они испытывали душевные страдания. Статья 3 гласит:

"Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию".

А. Информация, предоставленная сторонами

98. Правительство не согласилось с этими заявлениями, поскольку, по его утверждениям, следствием не было установлено, заявители подверглись бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в нарушение Статьи 3 Конвенции. Оно также утверждало, что следственные органы отвечали на все запросы заявителей надлежащим образом.

99. Заявители повторили свои жалобы.

В. Оценка, данная Судом

1. Приемлемость

100. Суд отмечает, что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому ее следует считать приемлемой.

2. Существо дела

101. Суд отмечает, что вопрос о том, является ли член семьи «исчезнувшего лица» жертвой обращения, нарушающего Статью 3, зависит от наличия особых факторов, придающих страданиям заявителя особый аспект и характер, отличные от эмоционального дистресса, который можно считать неизбежным у родственников жертвы серьезного нарушения прав человека. Имеют значение такие элементы, как близость родственных связей, конкретные обстоятельства семейных отношений, то, в какой степени член семьи был свидетелем случившегося, активное участие члена семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем лице и то, как реагировали власти на запросы информации об исчезнувшем лице. Кроме того, Суд подчеркивает, что суть подобных нарушений заключается не столько в самом факте "исчезновения" члена семьи, но в большей степени в том, какова реакция и позиция властей в момент, когда данная ситуация доводится до их сведения. Именно в силу этого последнего обстоятельства родственник может утверждать, что является непосредственной жертвой действий властей (см. *Orhan v. Turkey*, № 25656/94, § 358, 18 июня 2002 г.; *Imakayeva*, цит. выше, § 164).

102. В настоящем деле Суд отмечает, что заявители являются близкими родственниками безвестно пропавшего человека и были очевидцами похищения. Более четырех лет они не получали сведений о Аюбе Тахаеве. В течение этого периода они лично и письмами обращались с запросами о Аюбе Тахаеве в различные официальные органы. Несмотря на предпринятые ими усилия, заявители так и не

получили какого-либо приемлемого объяснения или информации о том, что стало с Аюбом Тахаевым после похищения. В полученных ими ответах по большей части отрицалась ответственность Государства за задержание либо заявителям просто сообщали, что следствие по делу продолжается. Непосредственное отношение к вышесказанному имеют и выводы Суда относительно процессуальной части Статьи 2.

103. В свете вышеизложенного Суд считает, что заявители испытали и продолжают испытывать эмоциональный дистресс и моральные страдания в результате исчезновения своего родственника и неспособности выяснить, что с ним произошло. То, как власти реагируют на их жалобы, следует считать бесчеловечным обращением, нарушающим Статью 3.

104. Из этого Суд делает вывод, что в отношении заявителей имеет место нарушение Статьи 3 Конвенции.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

105. Далее заявители утверждали, что Аюб Тахаев был задержан в нарушение гарантий Статьи 5 Конвенции, которая в соответствующей части гласит:

“1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию”.

А. Информация, предоставленная сторонами

106. Согласно информации, предоставленной Правительством, данных, которые подтверждали бы, что Аюб Тахаев был лишен свободы в нарушение гарантий статьи 5 Конвенции, следствием не получено.

107. Заявители повторили свою жалобу.

В. Оценка, данная Судом

1. Приемлемость

108. Суд отмечает, что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 Конвенции. Таким образом, жалоба на нарушение Статьи 5 Конвенции должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

109. Суд ранее уже указывал на фундаментальную важность гарантий Статьи 5 для обеспечения права любого лица в демократическом государстве не подвергаться произвольному задержанию. Также суд отмечал, что безвестное задержание лица является полным отрицанием названных гарантий и серьезнейшим нарушением Статьи 5 (см. *Çiçek v. Turkey*, №25704/94, § 164, 27 февраля 2001 г. и *Luluyev*, цит. выше, § 122).

110. Суд считает установленным, что Аюб Тахаев был задержан представителями государства 13 ноября 2020 года, и с тех пор его не видели. Его задержание не было признано властями и не было зарегистрировано в каких-либо записях о содержащихся под стражей лицах, а официальные сведения о его дальнейшем местонахождении и судьбе отсутствуют. В соответствии с практикой Суда сам по себе этот факт должен рассматриваться как серьезное упущение, поскольку позволяет ответственным за акт лишения свободы скрыть свою причастность к преступлению, замести следы и уйти от ответа за судьбу задержанного. Кроме того, отсутствие записей о задержании с указанием даты, времени и места задержания, фамилии задержанного, а также причин задержания и фамилии лица, производившего задержание, следует считать несовместимым с самой целью Статьи 5 Конвенции (см. *Orhan*, цит. выше, § 371).

111. Далее Суд считает, что власти должны были осознавать необходимость более тщательного и незамедлительного расследования жалоб заявителей на то, что их родственника задержали и куда-то увели при угрожающих жизни обстоятельствах. Однако приведенные выше рассуждения и выводы Суда в отношении Статьи 2, в частности, о характере ведения следствия не оставляют сомнений в том, что

власти не приняли незамедлительных и эффективных мер по его защите от риска исчезновения.

112. Исходя из этого, Суд считает, что Аюб Тахаев был подвергнут неизвестному задержанию без каких бы то ни было гарантий Статьи 5. Это является особенно серьезным нарушением права на свободу и безопасность, гарантированного Статьей 5 Конвенции.

VII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

113. В своем обращении в Суд заявители со ссылкой на Статью 8 Конвенции жаловались на то, что их дом подвергся незаконному обыску в ночь на 13 ноября 2002 года. В соответствующей части Статьи 8 Конвенции говорится:

“1. Каждый имеет право на уважение его... семейной жизни, его жилища...

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц”.

114. Суд повторяет, что в соответствии со Статьей 35 §1, Суд может принимать дело к рассмотрению только после того, как были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты с момента вынесения национальными органами окончательного решения по делу. Если отсутствуют эффективные внутригосударственные средств правовой защиты, то шестимесячный срок подачи жалоб, в принципе, исчисляется с момента вынесения обжалуемого решения или действия. (см. *Hazar and Others v. Turkey* (dec.), no. 62566/00 et seq., 10 January 2002). В данной жалобе, нет доказательств того, что кто-либо из заявителей поднимал перед внутренними властями свои жалобы в связи с нарушениями прав в отношении их жилища. Но даже если принимать во внимание, что в обстоятельствах данной жалобы не было эффективных средств правовой защиты, доступных заявителям, то случаи, обжалуемые заявителями имели место 13 ноября 2002 года, тогда как жалоба была подана 26 апреля 2004 года. Суд таким образом заключает, что жалобы были поданы после истечения установленного шестимесячного срока (см. *Musayeva and Others v. Russia* (dec.), no. 74239/01, 1 июня 2006 года и *Ruslan Umarov v. Russia* (dec.), no. 12712/02, 8 февраля 2007 года).

115. Следовательно, данная часть жалобы была подана позже установленного срока и должна быть отклонена в соответствии со Статьей 35 §1 и §4 Конвенции.

VIII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

116. Заявители жаловались на то, что были лишены эффективных средств защиты в отношении вышеупомянутых нарушений, что противоречит Статье 13, в связи со Статьями 2, 3 и 5 Конвенции, которая гласит:

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

A. Информация, предоставленная сторонами

117. Правительство утверждало, что в распоряжении заявителей имелись эффективные средства правовой защиты, как этого требует Статья 13 Конвенции, и что власти не препятствовали праву заявителей воспользоваться такими средствами. Заявители не подавали никакие жалобы в отношении похищения Аюба Тахаева в суды Чеченской Республики, Кабардино-Балкарии или Ингушетии или в суды Ставропольской, Краснодарской и Ростовской областей. Таким образом, заявители не требовали возмещения причиненного вреда по Статье 1069 Гражданского Кодекса. В целом Правительство утверждало, что нарушения Статьи 13 не было.

118. Заявители повторили свою жалобу.

B. Оценка, данная Судом

1. Приемлемость

119. Суд отмечает, что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому ее следует считать приемлемой.

2. Существо дела

120. Суд напоминает, что Статья 13 Конвенции гарантирует наличие на национальном уровне средства правовой защиты для обеспечения соблюдения по существу прав и свобод, гарантированных Конвенцией, в какой бы форме они ни были закреплены в национальном праве. Согласно установившейся практике Суда, Статья 13 Конвенции требует, чтобы на национальном уровне имелось правовое средство, позволяющее компетентному государственному органу принять решение по сути жалобы на нарушение Конвенции и предложить соответствующее возмещение ущерба, хотя государствам и дана некоторая свобода усмотрения относительно способа

выполнения их обязательств в рамках данного положения Конвенции. Однако требование о наличии такого правового средства касается только тех жалоб, которые можно считать «потенциально достоверными» по смыслу Конвенции (см., помимо прочих источников, *Halford v. the United Kingdom*, постановление от 25 июня 1997 г., *Reports of Judgments and Decisions 1997 III*, стр. 1020, § 64).

121. Что касается жалобы заявителей на отсутствие эффективных средств защиты в отношении их жалобы на нарушение Статьи 2, Суд считает нужным подчеркнуть, учитывая фундаментальную важность права на защиту жизни, что Статья 13 требует, в дополнение к выплате полагающейся компенсации, также проведения тщательного и эффективного расследования, способного привести к установлению личности и к наказанию ответственных за лишение жизни, что в частности предполагает фактический доступ истца к следственным процедурам, направленным на установление личности и наказание виновных (см. *Anguelova v. Bulgaria*, no. 38361/97, §§ 161-162, ECHR 2002-IV, и *Suheyra Aydın v. Turkey*, no. 25660/94, § 208, 24 мая 2005 г.). Далее Суд повторяет, что требования Статьи 13 не сводятся к обязанности Государства согласно Статье 2 проводить эффективное расследование (см. *Khashiyev and Akayeva*, цит. выше, § 183).

122. В свете приведенных выше выводов Суда в отношении Статьи 2 указанную жалобу явно следует считать "потенциально достоверной" для целей Статьи 13 (см. *Boyle and Rice v. the United Kingdom*, постановление от 27 апреля 1988 г., серия А № 131, § 52). Следовательно, заявители должны были иметь возможность воспользоваться эффективными и практически применимыми средствами правовой защиты, способными привести к установлению и наказанию виновных и к назначению компенсации в соответствии со Статьей 13.

123. Из этого следует, что при обстоятельствах, подобных обстоятельствам настоящего дела, когда расследование уголовного дела об исчезновении Аюба Тахаева оказалось неэффективным, что в свою очередь подрывало эффективность любого другого потенциально имеющегося в наличии средства, Государство не выполнило своих обязательств в рамках Статьи 13 Конвенции.

124. Следовательно, имеет место нарушение статьи 13 Конвенции в связи со Статьей 2 Конвенции.

125. Что касается ссылок заявителей на нарушение Статьи 3 Конвенции, Суд отмечает, что признает нарушение вышеназванного положения в части душевных страданий заявителей в результате исчезновения близкого родственника, неспособности выяснить, что с ним произошло, и отношения властей к их жалобам. Однако Суд уже признал нарушение Статьи 13 Конвенции в связи со Статьей 2 Конвенции в части поведения властей, вызвавшего душевные страдания заявителей. Суд считает, что при данных обстоятельствах

нет оснований отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 в связи со Статьей 3 Конвенции.

126. Что касается утверждений заявителей о нарушении Статьи 5 Конвенции, Суд повторяет, что в силу сложившейся практики, когда более специфические гарантии Статьи 5 §§ 4 и 5, будучи *lex specialis* в отношении Статьи 13, поглощают и перекрывают собой требования Статьи 13, а также в свете приведенного выше вывода о нарушении Статьи 5 Конвенции в результате не признаваемого властями задержания, Суд не находит оснований рассматривать отдельно вопрос о нарушении Статьи 13 в связи со Статьей 5 Конвенции.

IX. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ

127. Заявители жаловались, что подверглись дискриминации при осуществлении своих прав, защищаемых Конвенцией, утверждая, что названные нарушения были связаны с их чеченским этническим происхождением и с тем, что они проживают в Чечне. Это противоречит Статье 14 Конвенции, которая гласит:

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

128. В своих замечаниях по поводу приемлемости и существа жалобы от 11 сентября 2007 года заявители указали, что не намерены добиваться рассмотрения Судом своих жалоб на нарушение Статьи 14 Конвенции.

129. Суд, принимая во внимание Статью 37 Конвенции, делает вывод о том, что заявители более не намерены добиваться рассмотрения этой части своей жалобы, в значении Статьи 37 § 1 (а). Суд также не видит причин общего характера, относящихся к соблюдению установленных Конвенцией прав человека, которые требовали бы продолжить рассмотрение настоящей жалобы согласно Статье 37 § 1 Конвенции *in fine* (см. *Stamatios Karagiannis v. Greece*, no. 27806/02, § 28, 10 февраля 2005 г.).

130. Следовательно, эту часть жалобы следует исключить в соответствии со Статьей 37 § 1 (а) Конвенции.

Х. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

131. Статья 41 Конвенции устанавливает:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

А. Возмещение материального ущерба

132. Первый и второй заявители потребовали возмещение ущерба за потерю заработков их пропавшего сына с момента его похищения. Они указали, что хотя Аюб Тахаев был безработным на момент ареста, он мог бы в будущем найти работу и получал по крайней мере минимальную заработную плату. Первый и второй заявители могли бы в этом случае рассчитывать на 20 процентов заработков из сына. Первый и второй заявители запросили компенсацию в размере 387 430 40 и 295 035 67 российских рублей (соответственно 10 760 и 8 200 евро)

133. Правительство сочло эти требования необоснованными.

134. Суд повторяет, что между ущербом, компенсацию которого требует заявитель, и нарушением Конвенции должна существовать четкая причинно-следственная связь. Кроме того, в силу Правила 60 Регламента Суда любое требование о справедливом удовлетворении должно быть детализировано и представлено в письменной форме вместе с соответствующими подтверждающими документами или квитанциями, а «несоблюдение этого может повлечь отклонение Палатой требования целиком или частично».

135. Суд повторяет, что между ущербом, компенсацию которого требует заявитель, и нарушением Конвенции должна существовать четкая причинно-следственная связь, и что в соответствующих случаях может быть запрошена компенсация за потерю заработков. Принимая во внимание эти доводы, находит прямой причинно-следственной связью между нарушением Статьи 2 в отношении сына заявителей и потерей заявителями финансовой поддержки, которую он мог бы им обеспечить. Исходя из утверждений заявителей и того факта, что Аюб Тахаев был безработным на момент его похищения, Суд присуждает 3 000 евро первому и второму заявителям совместно в качестве компенсации материального ущерба, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы.

В. Возмещение морального вреда

136. Первый, второй и третий заявители требовали присуждения 25 000 евро каждый в качестве компенсации морального вреда за

страдания, которым они подверглись в результате потери члена их семьи, а также безразличия, проявленного властями в отношении них, и непредоставления им никакой информации о судьбе близкого родственника. Четвертый и пятый заявители требовали 5 000 евро каждый на этом же основании.

137. Правительство посчитало требуемую сумму чрезмерной.

138. Суд признал нарушение Статей 2, 5 и 13 Конвенции в части неизвестного задержания и исчезновения родственника заявителей. Сами заявители были признаны жертвами нарушения Статьи 3 Конвенции. Поэтому Суд признает, что им был причинен моральный вред, который не может быть компенсирован одним лишь фактом признания нарушений прав. Он присуждает первому и второму заявителям по 25 000 евро совместно, третьему и четвертому заявителям 5 000 евро совместно и пятому заявителю 5 000 евро, плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы.

С. Издержки и расходы

139. Заявителей в Суде представляла организация «Правовая инициатива по России». Сотрудники этой организации представили перечень понесенных издержек и расходов, включая исследования и интервью в Ингушетии и Москве по ставке 50 евро в час и составление юридических документов, представленных в Суд и в органы государственной власти, по ставке 50 евро в час для юристов «Правовой инициативы» и 150 евро в час для старших сотрудников организации, итого - 6 300 евро. Они также просили компенсировать административные расходы в размере 7% от указанной суммы. Заявители просили компенсировать 1 662 89 евро расходов за переводы и 55 15 евро за услуги курьерской почтовой службы. Общая сумма требуемого возмещения расходов и издержек в связи с ведением дела составила 7 245 33 евро.

140. Правительство возразило, что запрошенная сумма является завышенной, и оспорило разумность и оправданность сумм возмещения, запрашиваемых по этому основанию. Также Правительство указало на то, что двое из юристов «Правовой инициативы», которые подписали замечания по приемлемости и существу дела, не указаны в доверенностях.

141. Суду, во-первых, предстоит установить, действительно ли имели место расходы и издержки, указанные заявителями, и во-вторых, являлись ли они необходимыми (см. *McCann and Others*, цит. выше, § 220).

142. Принимая во внимание представленные сведения, Суд считает эти ставки разумными и отражающими фактические расходы, понесенные представителями заявителей. Обращаясь к аргументу Правительства, касающемуся количества юристов, которые подписали дополнительные замечания от имени заявителей, Суд указывает, что

доверенности были подписаны в первую очередь на организацию «Правовая инициатива по России», и соответственно, организация имела право назначать сотрудников на ведение дела заявителей. Таким образом, Суд не находит оснований для возражения Правительства.

143. Далее Суд должен установить, действительно ли расходы и издержки, понесенные в связи с ведением дела в Суде, были необходимы. Суд отмечает, что данное дело было относительно сложным и требовало определенной исследовательской и подготовительной работы. В то же время Суд отмечает, что поскольку в данном случае применялась Статья 29 § 3, представители заявителей передали в Суд свои замечания по приемлемости и существу дела как один набор документов. Поэтому Суд сомневается в том, что на подготовку юридических документов было необходимо так много времени, как утверждают представители.

144. Учитывая детализацию требований, поданных заявителями, и справедливость оснований, Суд присуждает им 4500 евро за вычетом 850 евро, полученных в качестве правовой помощи от Совета Европы, плюс налоги и сборы, если они начисляются на данную сумму, которые подлежат уплате на счет банка представителей в Нидерландах, указанный заявителями.

D. Выплата процентов

145. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Принимает решение* исключить жалобу из списка своих дел в соответствии со Статьей 37 § 1 (а) Конвенции в части, касающейся жалоб заявителей на нарушение Статьи 14 Конвенции;
2. *Отклоняет* возражение Правительства относительно права на подачу индивидуальной жалобы;
3. *Отклоняет* возражение Правительства относительно неисчерпания национальных гражданских средств защиты, так же как неисчерпания средств защиты в связи с незаконным лишением свободы Аюба Тахаева;
4. *Постановляет* объединить возражение Правительства относительно неисчерпания уголовных средств защиты с рассмотрением дела по существу и отклоняет их;

5. *Объявляет* жалобы на нарушение Статей 2, 3, 5 и 13 Конвенции приемлемыми, а остальную часть жалобы неприемлемой;
6. *Постановляет*, что имеет место нарушение статьи 2 Конвенции в отношении Аюба Тахаева;
7. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции в части непроведения эффективного расследования обстоятельств исчезновения Аюба Тахаева;
8. *Постановляет*, что имеет место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении заявителей;
9. *Постановляет*, что имеет место нарушение статьи 5 Конвенции в отношении Аюба Тахаева;
10. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 13 Конвенции в части предполагаемых нарушений Статьи 2 Конвенции;
11. *Постановляет*, что нет оснований отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 Конвенции в части предполагаемых нарушений Статей 3 и 5;
12. *Постановляет*,
 - (a) что Государство-ответчик должно в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, выплатить следующие суммы:
 - (i) 3 000 (три тысячи) евро в возмещение материального ущерба первому и второму заявителям совместно, в рублях по курсу на дату выплаты, плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы;
 - (ii) 25 000 (двадцать пять тысяч) евро первому и второму совместно, 5 000 (пять тысяч) евро третьему и четвертому заявителям совместно и 5 000 (пять тысяч) евро пятому заявителю в возмещение морального вреда, в рублях по курсу на дату выплаты, плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы;
 - (iii) 3 650 (три тысячи шестьсот пятьдесят) евро в счет возмещения издержек и расходов, подлежащие уплате на счет банка представителей в Нидерландах, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате заявителями;
 - (b) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 18 сентября 2008 года в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Сорен Нильсен, секретарь
Кристос Розакис, председатель